

уступает натуральным вещам, столь знание вещественных наук превосходит красоту речей.²⁵ но которого мысли и идеи от глубокого проникания в природу человеческую... от великого знания света и того общества, в котором он живет, ... происходят.²⁴

Конечно, первоисточником этих высказываний следует считать «Риторику» М. В. Ломоносова, с которой Дамаскин, безусловно, был прекрасно знаком. Подобные мысли выражены в §§ 46, 130, 146, 180 «Риторики». Так, например, в § 180 говорится, что «больше должно наблюдать явственное и живое изображение идей, нежели течение слов».²⁶

И Дамаскин, и Любослов признают неоспоримым, что в русском языке «письмены начались пред латинским гораздо позже»;²⁷ Любослов занимается сопоставлением слов русского и латинского языков, попытавшись даже доказать, что русский более древний язык, чем латинский. В связи с этим, заслуживает внимания указание на несохранившееся сочинение Дамаскина, самое название которого очень характерно: «О следах славянского языка в писателях греческих и латинских». Интересно свидетельство М. И. Сухомлинова об участии Дамаскина в работе над словопроизводным словарем. По поводу слова «память» в Российской Академии разгорелся спор, и Дамаскин в письменном виде изложил свое мнение по этому вопросу. Он сопоставлял русское слово «помню» с соответствующим греческим и доказывал, что разница в их значениях появилась от «разномысленного употребления сего глагола у греков и славян».²⁸ Все это очень напоминает приемы Любослова.

Однако если Любослов — это Дамаскин, то должны быть какие-то соответствия в стиле этих авторов, а главное, в их словоупотреблении. Проследить это тем более важно, что стиль Любослова, как говорилось выше, вызывал бесконечные издевательства.

Большинство насмешек касалось первого длинного периода «Начертания». В этом предложении около семидесяти пяти знаменательных слов. Начинается оно так: «Эпоха нынешнего времени, в которое лучи мысленного света, разливающиеся из общего средоточия и озаряющие с большею, нежели когда-нибудь, силою обширные Российские пределы, сильным преломлением в умах Россиян возбуждают стремительное рвение к нравственному просвещению...».²⁹ Предисловие к «Библиотеке Российской» Дамаскина, наоборот, написано лаконичным языком. Однако в проповедях Дамаскина, например в его «Слове о любви к отечеству», «Слове о средствах утешения в прискорбной жизни» и др., тоже есть достаточно длинные и торжественные периоды (достигающие сорока-пятидесяти знаменательных слов). «Начертание» — это страстное, проникнутое глубоким чувством патриотизма обращение к читателю, и в этом смысле оно, конечно, приближается к жанру проповеди. При этом нужно отметить, что упомянутый выше период — единственный в сочинении по своей длине и запутанности. Во II части, где Любослов излагает свою критику, предложения как раз совсем не длинные и очень простые по конструкции.

²⁴ Д а м а с к и н. О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение. СПб., 1774, стр. 36.

²⁵ «Собеседник», ч. VII, стр. 145.

²⁶ В. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 245.

²⁷ «Собеседник», ч. VII, стр. 151.

²⁸ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, т. I, стр. 182—183.

²⁹ «Собеседник», ч. VII, стр. 143.